

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.001

К методологии анализа межкультурных отношений (на примере России и Китая)

Кондаков Игорь Вадимович

Доктор философских наук, кандидат филологических наук,
профессор, действительный член РАЕН,
профессор кафедры истории и теории культуры,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993 Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
ведущий научный сотрудник,
Государственный институт искусствознания,
125009 Российская Федерация, Москва, Козицкий переулок, 5;
e-mail: ikond@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.

Аннотация

Статья посвящена анализу межкультурных отношений между Россией и Китаем. Сравнение двух смежных цивилизаций показывает, что, помимо серьезных различий, у этих стран много общего, в том числе отличающего их от западных цивилизаций. Современное сближение России и Китая по многим геополитическим и социокультурным вопросам совпадает с глобализационными процессами, в которых Китай и Россия принимают активное участие. Этому способствует формирование национальных глобалитетов и амбивалентное отношение обеих цивилизаций к Западу. Результатом российско-китайского культурного сотрудничества является евразийская интеграция двух стран.

Для цитирования в научных исследованиях

Кондаков И.В. К методологии анализа межкультурных отношений (на примере России и Китая) // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 6А. С. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.001

Ключевые слова

Запад и Восток; цивилизация; культура; сходство; различие; символизм; концептосфера; глобалитет; цивилизационные фильтры; евразийская интеграция.

Введение

Разработка методологии межкультурного анализа до сих пор встречает большие трудности и наталкивается на противоречия, кажущиеся почти непреодолимыми¹. Тем больше оснований попытаться сформулировать ее исходные положения – на примере принципиально различных стран.

Для осуществления плодотворного и перспективного взаимопонимания, культурного сотрудничества двух разных цивилизаций, тем более таких выдающихся, как Россия и Китай, необходимо признать соблюдение нескольких условий, носящих предельно общий, культурфилософский характер. Прежде всего, это наличие, с одной стороны, общих черт у обеих цивилизаций, а с другой стороны, – принципиальных различий. Общие черты двух взаимодействующих цивилизаций обеспечивают возможность их *взаимопонимания*, построения общих целей и задач, единых путей развития. Различие цивилизаций предполагает их *взаимодополнительность*, взаимный интерес к достижениям друг друга и своеобразию каждой, к проблемам, занимающим одну из них и потенциально беспокоящим другую, еще не столкнувшуюся с ними. Оптимальное сочетание *сходства* и *различия* исторически встретившихся цивилизаций является залогом их успешного диалога.

Общее и особенное

Китайская и российская цивилизация словно предназначены для такого диалога: в них присутствует *оптимальный баланс* сходства и различий; заметен обоюдный интерес друг к другу и ярко выраженное своеобразие соответствующих культур – Китая и России. Обе цивилизации ревниво отстаивают свою независимость и неповторимость – не только от окружающего мира, но и друг от друга; обе воспринимают себя и друг друга не столько как локальные, но и как мировые цивилизации, заявляющие современникам и потомкам не только о своей уникальности, но и о всемирно-историческом значении. Обе цивилизации опираются на длительный исторический путь развития и на свой накопленный культурно-исторический опыт его осмысления и обобщения. И то и другое диктует России и Китаю потенциал дальнейшего развития двух цивилизаций и культур на собственной основе и в то же время – необозримые и непредсказуемые перспективы культурно-исторического развития².

Россия и Китай имеют общую границу большой протяженности и практически «обречены» на постоянное социокультурное взаимодействие и взаимовыгодное сотрудничество в различных областях. Именно в пограничных регионах России и Китая наблюдается интенсивная *диффузия* русской и китайской культур, их взаимопроникновение и взаимообогащение. Эта диффузия расширяется по мере распространения интереса к русскому языку, русской литературе и русской культуре в Китае и к китайскому языку, китайской культуре и

¹ См. подробнее: Ахизер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало.? М.: Новое издательство, 2005. С. 36 – 40; Межуев В.М. «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. М.: ИФРАН, 2011. С. 40 – 47.

² См., например: Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007; Гране М. Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016.

цивилизации в России, по мере развития российско-китайского диалога во всех сферах – экономики и торговли, внешней и внутренней политики, науки и образования, литературы и искусства. Речь идет о последовательном формировании общего культурно-цивилизационного пространства России и Китая, связанного общими проблемами и совместными их решениями, общими ценностями и смыслами, культурным обменом.

Общим для китайской и российской цивилизаций является: во-первых, обширность занимаемой территории; во-вторых, многочисленность населения; в-третьих, продолжительность и наполненность событиями социальной, культурной и политической истории; в-четвертых, масштабность и экстенсивность осуществляемых исторических преобразований; в-пятых, опора на массы и массовидную культуру (с ее традиционностью, патриотизмом и коллективизмом, культом вождей); в-шестых, притязания на мировое значение и величие, оправдываемые и подтверждаемые выдающимся вкладом Китая и России в мировую культуру и общечеловеческую цивилизацию. В-седьмых, и это надо отметить особо, Россия и Китай накопили в своей истории огромный опыт революционного развития и исторического творчества масс, включая уникальный опыт социалистического строительства и посткоммунистических реформ, формирования целостного государства, – уникальный в мировой истории – как по длительности, так и по впечатляющим результатам (как позитивного, так и негативного характера). Всё это – так сказать, *макрофакторы* цивилизационного развития обеих стран (геополитические)³.

Есть и социокультурное сходство российской и китайской цивилизаций. Прежде всего – это высокая *символичность* обеих культур, достигаемая сближением и сопряжением образного и интеллектуального содержания, проникающих друг в друга и формирующих системообразующие концептосферы русской и китайской культур⁴. Символизм китайской культуры нашел свое выражение в *иероглифическом письме* и *каллиграфии*, несущих константные смыслы китайского языка и культуры; в верности литературы и искусства Китая принципам и концептам китайской *философии* и *морали*, сохраняющим свою актуальность на протяжении тысячелетий; а также в глубоко переживаемой и осознанной *метафоричности* и *мифологичности* сквозных образов и идей китайской культуры, пронизывающей историю Китая и его текущую повседневность и лишь постепенно меняющей формы своего присутствия в сознании и поведении современников⁵.

Символизм российской цивилизации проявился в идейной и идеократической насыщенности русской литературы и искусства – на всем историческом протяжении; в литературно-художественных и публицистических формах русской философии, как бы «растворенной» во всем массиве и на всем протяжении культуры России; в *глубинных структурах* религиозности и квазирелигиозности, философичности, литературности, просвечивающих через толщу социальных и культурно-исторических наслоений, современных

³ Кондаков И.В. Россия и Китай: опыт сравнительного анализа цивилизаций // Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток / под ред. Е. Е. Тихомировой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – С. 3 – 11.

⁴ См., например: Кондаков И.В. Концептосфера русской культуры // Исследования по русистике в новую эпоху. Нанкин: Издательство Нанкинского университета, 2018. С. 045 – 050.

⁵ См.: Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры / Пер. с кит. Фитуни О.Л. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. С. 90 – 104, 130 – 152, 153 - 177; Гране М. Китайская цивилизация. С. 184 – 213, 242 – 295, 405 – 421 и др.

аллюзий, бытовых и психологических деталей. Вся эта глубинная культурная символика в контексте текущей русской культуры воспринималась как тонкий *подтекст цивилизации*, подчеркивающий многослойность и многозначность социокультурной повседневности и воплощающий ее константный смысл.

Постоянное присутствие цивилизационного подтекста при каждом обращении к воссоздаваемой средствами культуры российской реальности давало основание деятелям русской культуры апеллировать к философским и политическим иносказаниям в форме фольклорных, исторических или литературно-художественных образов, становившихся символическим «сопровождением» национального самосознания. Поэтому емкие метафорические «формулы реальности», заключенные в названиях произведений русской литературы и искусства, родившиеся в интерпретации русской литературно-художественной критики, отразившиеся в пословицах и поговорках русского народа, в крылатых словах и выражениях, отфильтрованных национальным сознанием из культурных текстов, – составляли пласт культурной рефлексии цивилизации, неотделимый от самой социально-исторической реальности⁶.

Отношение к Западу

Обе цивилизации – России и Китая – на протяжении длительного времени последовательно боролись за свою *национальную идентичность* и *независимость* от чужеземных влияний, отстаивали свою автономию от окружающего социокультурного мира. Однако и Китай, и Россия в конечном счете испытали воздействие иноцивилизационных влияний. Особенно острой для истории русской и китайской цивилизаций стала проблема амбивалентного отношения к Западу и западным культурам.

С одной стороны, Запад представлялся враждебным русскому и китайскому Востоку, а потому подлежал отрицанию, отвержению, изгнанию. С другой стороны, отставание от Запада в области науки и техники, достижений и удобств цивилизации в России и Китае вызывали стойкий интерес и влечение к Западу, к его культурным успехам, научным открытиям, художественным откровениям... И для России, и для Китая Запад стал на целые столетия одновременно и ненавистным и желанным, и причиной и целью надвигающихся неотвратимых и неизбежных исторических перемен⁷.

Лишь в результате Петровских реформ Россия вступила на путь медленной и постепенной вестернизации, которая впоследствии включала различные этапы, более или менее радикальные в своих преобразованиях. Много позднее, уже в эпоху Миньго, по инициативе президента Китайской республики Сунь Ятсена, начался процесс умеренной вестернизации китайской культуры, в дальнейшем прошедшей несколько исторических фаз.

Все инициативы власти и деятелей культуры в этом направлении сопровождались – и в России, и в Китае – бурными дискуссиями в истории общественной мысли и культуры (наподобие вековой полемики западников и славянофилов, почвенников и радикалов,

⁶ Кондаков И.В. Концептосфера русской культуры / Цит. изд. С. 051 – 054.

⁷ Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало? С. 255 – 282; Межуев В.М. «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира // Цит. изд.. С. 27 – 35.

народников и интернационалистов в России). Со временем накапливаемый потенциал межкультурной коммуникации в каждой из двух названных культур «обрастал» противоречивыми интерпретациями и оценками, что обеспечивало его амбивалентность и гибкую функциональность – применительно к вариативным историческим ситуациям, требовавшим от цивилизации то непримиримости, то толерантности к другим / чужим культурам.

Однако подобный процесс межцивилизационной адаптации, как показал – в том числе применительно к истории русской культуры XVIII – начала XIX вв. Ю.М. Лотман⁸, проходил внутренне противоречиво, а значит, носил нелинейный характер. Для того, чтобы усвоить формы и принципы чужой цивилизации, нужно было вести себя «как иностранец», но сохранять свой, национальный взгляд для оценки своего поведения как «иностранного». В результате культура повседневности (а вместе с ней и национальная культура в целом) представляла как двухслойная: над национальной культурой («естественной» по происхождению) «надстраивалась» культура «иностранная» («искусственная» в своем генезисе), и все ценности и нормы становились двойными, но в той или иной степени взаимопереводимыми в рамках одной (переходной) цивилизации.

Человек, включенный в двухслойную структуру переходной цивилизации, характеризовался ролевым, а подчас и игровым поведением: находясь в пространстве национальной культуры, он – вольно или невольно – играл в ней роль «иностранца», и его жизнь тем самым превращалась в условный театр. Происходила резкая семиотизация быта и социальных отношений, когда формы поведения становились *знаками* поведения (своего рода ритуалом), т.е. служили *способом демонстрации* причастности к иной цивилизации, но не свидетельствовали о действительной принадлежности к ней⁹.

Это относилось не только к переходным эпохам (вроде собственно Петровского времени или периода деятельности Сунь Ятсена), но в той или иной степени касались всего процесса вестернизации, шире – культурной интеграции, нередко растягивавшегося на века. Так происходило в России, где вехами европеизации после Петра I становились: период правления Екатерины II, Великая крестьянская реформа, Русская революция (1905 – 1922), «оттепель» (1953 – 1968), «перестройка» (1986 – 1991) и следующий за ней постсоветский период, проходящий во многом под знаком глобализации. Еще более незаметно этот процесс осуществлялся в XX в. в Китае.

Глобалитеты России и Китая

Лишь относительно поздно, да и то не до конца, Россия и Китай стали обществами, в той или иной степени тяготеющими к *открытости*, к *международной интеграции*, культурному и интеллектуальному обмену, диалогу культур, и в конечном счете обрели свойство «*всемирной отзывчивости*» (Россия – в XIX, а Китай – в XX в.). Эта идея, в России осуществленная

⁸ Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 110 – 120; Он же. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Там же. С. 121 – 128.

⁹ Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Он же. Избр. статьи: В 3-х т. Т. I. С. 248 - 252.

практически Пушкиным, задавшим интегративный импульс всей последующей русской культуре, теоретически была обоснована Достоевским (в его речи о Пушкине)¹⁰ и означала способность художника и мыслителя, культурно-исторического течения или целой национальной культуры творчески перенимать формы других культур, не умаляя при этом собственных достижений и своей культурной идентичности и в то же время претендуя на мировое значение.

Правда, сам Достоевский имел в виду исключительное своеобразие именно русской культуры, несущей в себе потенциал европейскости и всемирности, а потому притязающей на роль сверхцивилизации, обладающей провиденциальным значением и несущей в себе мессианское начало. Однако потенциалом всемирности (глобалитетом) обладала и европейская цивилизация, взятая в целом, и азиатский Восток.

Подобные черты национального самосознания были характерны – на разных этапах истории по-разному – и для китайской цивилизации, неслучайно именовавшей себя Средним государством и Поднебесной, а свое окружение почитавшей варварами, не достигшими уровня цивилизации. Даже многовековая политика самоизоляции Китая была продиктована самоощущением своего исторического и культурного величия, национального превосходства и изначального избранничества среди других народов мира.

Аккумулируя в массиве своей цивилизации достижения мировой культуры, в том числе в сфере литературы и искусства, науки и техники, философии и быта, Россия и Китай сумели – на разных этапах своей истории – не только творчески усвоить многие западные принципы и ценности, преломив (адаптировав) их в духе своего менталитета, своих традиций, но и предложить Западу свои собственные культурно-цивилизационные завоевания – как наследие традиционного и нетрадиционного Востока. Эти амбициозные достижения российской и китайской цивилизаций постепенно получают все большее признание во всем мире и усваиваются западными культурами в качестве важных составляющих всемирного культурного наследия и мировой культуры, обретая статус *национальных глобалитетов*¹¹. Так, формируется безграничное пространство *западно-восточной, евразийской интеграции*, активными субъектами которой становятся Россия и Китай как западная и восточная части Евразии¹².

Правда, и до сих пор в отношениях между Западом и Востоком, трактуемыми расширительно, сохраняются реликтовые формы *взаимного недоверия* и элементы остаточной *напряженности*, сформировавшихся в культурной истории отдельных стран, что порождает стремление различных цивилизаций защитить свое культурное наследие и политический статус любыми, в том числе самыми мощными средствами. Это делает и для Китая, и для России актуальными и действенными концепции «*национальной безопасности*», накладывающие свой отпечаток на построение культурной политики, культурного обмена, культурного потребления и культурной самоотдачи. Включение в эти процессы различных версий «*национальной безопасности*» в отношении культуры предполагает опосредованность контактов между

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. – Т. 26. С. 145 – 147.

¹¹ Кондаков И.В. Россия и Китай: борьба глобалитетов // Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток. Новосибирск: НГПУ, 2015. – С. 3 - 13.

¹² См., например: Евразийский проект модернизации России: история и современность. Коллективная монография / ГАОУ ВО МГПУ. – М.: Издательские решения, 2019.

Западом и Востоком различными цивилизационными – экономическими и политическими, а также идеологическими и технологическими – «*фильтрами*».

В этом отношении глобализационные процессы в России и Китае, включающие механизмы *конвергенции* (т.е. социокультурного сближения и взаимопроникновения культур), во многом до сих пор осложнены *дивергенцией* (т.е. расхождением и взаимным размежеванием культур) и социокультурной *селекцией* (т.е. определенным отбором приемлемых форм и эталонных образцов культуры), а потому носят отчетливо дифференцированный, национально-цивилизационный характер. Все более отчетливым становится понимание глобализации как типологически разветвленного и локализованного процесса, в основании которого лежат принципиально разные стратегии интеграции и единства – для западных и восточных цивилизаций.

Заключение

Несмотря на множество принципиальных различий российская и китайская цивилизация обладают серьезными основаниями, определяющими их сходство. Эти основания, сформировавшиеся исторически, не только способствуют культурно-цивилизационной интеграции двух стран, но и содержат в себе значительный потенциал всемирности (национальные глобалитеты), что делает Россию и Китай реальными и активными субъектами современных многомерных глобализационных процессов. Амбивалентные отношения с Западом придают Китаю и России особое место в многополярном мире XXI века и задают динамический импульс мировому развитию.

Библиография

1. Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. История России: конец или новое начало.? М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
2. Гране М. Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016. 480 с.
3. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Он же. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. – Т. 26. С. 136 – 149.
4. Евразийский проект модернизации России: история и современность. Коллективная монография. – М.: Издательские решения, 2019. 188 с.
5. Кондаков И.В. Россия и Китай: борьба глобалитетов // Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток / Под ред. Е. Е. Тихомировой. Новосибирск: НГПУ, 2015. – С. 3 - 13.
6. Кондаков И.В. Концептосфера русской культуры // Исследования по русистике в новую эпоху. Нанкин: Издательство Нанкинского университета, 2018. С. 045 – 050.
7. Кондаков И.В. Россия и Китай: опыт сравнительного анализа цивилизаций // Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток / Под ред. Е. Е. Тихомировой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – С. 3 – 11.
8. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // *Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3-х т.* – Таллинн: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 110 – 120.
9. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Там же. С. 121 – 128.
10. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Там же. С. 248 – 268.
11. Межуев В.М. «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира // *Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой.* М.: ИФРАН, 2011. С. 9 – 49.
12. Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. 685 с.
13. Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры / Пер. с кит. Фитуни О.Л. – М.: Шанс, 2019. 319 с.

To the analysis methodology inter-civilizational relations (on the example of Russia and China)

Igor' V. Kondakov

Doctor of philosophy,
PhD in Philology,
Professor,
Full Member of the RAEN,
Professor of the Department of history and theory of culture,
Russian State Humanitarian University,
125993, 6 Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
Leading Researcher,
State Institute of Art History,
125009, 5 Kozitsky lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ikond@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of inter-civilizational relations between Russia and China. Comparison of two adjacent civilizations shows that, in addition to serious differences, these countries have a lot in common, including what distinguishes them from Western civilizations. The Russian and Chinese civilizations have a similar long and dramatic history, which is an alternation of dynastic and "troubled" periods, the Imperial type of state structure, a tendency to collectivism and authoritarianism, and a similar experience of building socialism and post-Communist reforms.

Russian and Chinese cultures are similar in many ways. Both of them are characterized by symbolism, metaphor, and the power of traditions that combine writing, literature, and art, mythology, religion, and philosophy, customs and rituals, and an expanded conceptual sphere that combine the civilizational subtext of Russia and China.

The current rapprochement between Russia and China on many geopolitical and socio-cultural issues coincides with the globalization processes in which China and Russia take an active part. This is facilitated by the formation of national globalities by both civilizations (which determine the potential of universality), and the ambivalent attitude of both civilizations to the West, which includes attraction to and repulsion from Western civilizations. The result of the Russian-Chinese cultural dialogue and cooperation is the Eurasian integration of the two countries, which may have a future.

For citation

Kondakov I.V. (2019) K metodologii analiza mezhsivilizatsionnykh otnoshenii (na primere Rossii i Kitaya) [To the analysis methodology inter-civilizational relations (on the example of Russia and China)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (6A), pp. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.001

Keywords

West and East; civilization; culture; similarity; difference; symbolism; conceptsphere; globality; civilizational filters; Eurasian integration.

References

1. Ahiezer A.S., Klyamkin I.M., Yakovenko I.G. (2005) Russian history: the end or a new beginning? ["Istoriya Rossii: konets ili novoye nachalo?"]. Moscow, 708 p.
2. Granet, Marcel (2016). Chinese civilization ["Kitayskaya tsivilizatsiya"]. Moscow, 480 p.
3. Dostoevsky F.M. (1984). Pushkin (Essay) // Himself. Full. Coll. Op.: In 30 vols. Vol. 26. Leningrad, p. 136 – 149.
4. The Eurasian project of modernization of Russia: history and modernity. Collective monograph (2019) ["Yevraziyskiy projekt modernizatsii Rossii: istoriya I sovremennost'. Kollektivnaya monografiya"]. Moscow, 188 p.
5. Kondakov I.V. (2015) Russia and China: the struggle of globalities // Intercultural communication: West – Russia – East ["Rossiya i Kitay: bor'ba globalitetov // Mezhkulturnaya kommunikatsiya: Zapad – Rossiya – Vostok / Pod red. Ye.Tihomirovoy"]. Novosibirsk, p. 3 – 13.
6. Kondakov I.V. (2018) Conceptsphere of Russian culture // Research on Russian studies in the new era ["Kontseptosfera russkoy kultury // Issledovaniya po rossievedeniyu v novuyu epohu"]. Nanjing, p. 045 – 050.
7. Kondakov I.V. (2019) Russia and China: experience of comparative analysis of civilizations // Intercultural communication: West – Russia – East ["Rossiya i Kitay: opyt sravnitel'nogo analiza tsivilizatsiy // Mezhkulturnaya kommunikatsiya: Zapad – Rossiya – Vostok" / Pod red. Ye.Tihomirovoy]. Novosibirsk, p. 3 - 11.
8. Lotman Yu.M. (1992) To build a theory of cultural interaction (semiotic aspect) // Lotman Yu. M. Chosen articles: In 3 volumes. Vol. I. Articles on semiotics and typology of culture ["K postroeniyu teorii vzaimodeystviya kul'tur (semioticheskiy aspekt) // Lotman Y.M. Izbrannyye stat'i v 3-h t. T. I / Stat'i po semiotike I tipologii kultury]. Tallinn, p. 110 – 120.
9. Lotman Yu. M. (1992) The problem of Byzantine influence on Russian culture in typological coverage [Problema vizantiyskogo vliyaniya na russkuyu kulyuru]// Ibid., p. 121 – 128.
10. Lotman Yu. M. (1992) Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century [Poetika bytovogo povedeniya v russkoy kulture XVIII veka] // Ibid., p. 248 – 268.
11. Mezhuhev V.M. (2011) "Russian idea" and civilizational features of the Russian world // Russian world as a civilizational space / Ed. by A.A. Guseinov, A.A. Kara-Murza, A.F. Yakovleva ["Russkaya ideya" i tsivilizatsionnye osobennosti Russkogo mira // Russkiy mir kak tsivilizatsionnoye prostranstvo / Pod red. A.A. Guseinova, A.A. Kara-Murzy, A.F. Yakovlevoy"]. Moscow, p. 9 – 49.
12. Russia as a civilization: Stable and changeable / Rel. ed. I.G. Yakovenko (2007) ["Rossiya kak tsivilizatsiya: Ustoychivoye i izmenchivoye" / Otv. red. I.G.Yakovenko]. Moscow, 685 p.
13. Shen Czenhuey (2019). Essay on Chinese culture ["Ocherk kitayskoy kultury"]. Moscow, 319 p.